

СМЕРШ
спецназ Сталина

СЛЕДЫ СО СВАСТИКОЙ

Александр Талочников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Следы со свастикой

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Следы со свастикой / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-113171-5

Май 1945 года. Советские части с боями освобождают занятую немцами Прагу. Отчаянно сопротивляясь, гитлеровские главари пытаются вырваться из окруженного города. Среди них – начальник пражского Управления РСХА штандартенфюрер СС Шломберг. За ним, как за ценным агентом, посвященным во многие секреты рейха, ведет охоту группа майора СМЕРШ Владислава Брагина. Шломбергу удастся сбежать из Праги на самолете. Теперь его нужно искать в горах на границе Богемии и Саксонии. Группа Брагина отправляется в погоню, не подозревая о смертельной опасности, затаившейся совсем рядом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113171-5

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Тамоников

Следы со свастикой

© Тамоников А.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Взрыв прогремел в тридцати метрах от «Виллиса», приписанного к отделу. Старший лейтенант Зацепин вывернул баранку, проделал что-то непонятное с рычагом. Американская машина взревела, съехала в кювет и заглохла. Пассажиры загалдели, схватились за автоматы, помещенные между коленей. Реакция у них сегодня была замедленная, тому имелись очень даже уважительные причины. Но не ждать же, пока накроет! Мина явно прилетела не случайно. Там же слева, чуть дальше, ухнули еще две, вывернули пласты дерна и молодой липовый саженец.

– К машине, рассыпаться! – выкрикнул темноволосый майор Владислав Брагин, пролетая через вырез в борту, заменяющий дверь.

Этот приказ был излишним. Офицеры и сами сообразили, что надо делать, высыпали из машины. Виталий Зацепин упал на спину за примятый бугор, передернул затвор. Брагин сперва пристроился рядом с ним на корточках, но тут же передумал и вытянул ноги. Старший лейтенант Филимонов и капитан Коломиец отбежали чуть дальше, тоже прилегли. Марецкий остался в кювете, словно не осознал еще всю опасность, вытянул длинную, как у сулика, шею.

Взрывы гремели слева от дороги. В колонне, которую сопровождал «Виллис», царила суматоха. По правде сказать, такого никто не ожидал. Местность считалась проверенной, дорога на Прагу – открытой. В колонне было несколько гусеничных тягачей, буксировавших семидесятишестимиллиметровые орудия, десяток «газиков» с расчетами, полуторка с отделением автоматчиков. В авангарде шли саперы, проверяли дорогу.

Колонна пока не попала под обстрел, взрывы гремели в стороне, минометчики только пристреливались. Надрывались офицеры в адрес водителей: мол, пошевеливайтесь, выводите машины из-под огня!

Водитель головного тягача резко затормозил, машина встала поперек дороги, потеряв гусеницу. Застыла полуторка, красноармейцы выпрыгнули из кузова, рассыпались по водоотводной канаве. Следующий взрыв повредил орудие, оторвал опорные тяги. Шквал осколков ударил по пустой машине, сломал борта, разнес остекление кабины. Сполз в канаву, держась за живот, раненый сержант.

Фуражка Брагина свалилась ему на нос. Он раздраженно стянул с околыша ремешок, закрепил под подбородком, машинально глянул через плечо. Все подчиненные рядом.

За лужайками со свежей травкой тянулись аккуратные ограды, симпатичные одноэтажные дома с черепичными крышами. Это был Здробич, один из северных пригородов Праги, малоэтажный район с обилием зеленых зон и пешеходных дорожек. На отшибе, метрах в семидесяти от дороги, стояло вытянутое кирпичное здание, наверное, какая-то мастерская. К нему спускалась металлическая лестница, по бокам тянулся косогор, вполне пригодный для укрытия.

Минометный обстрел прекратился. Лес ошетинился автоматным огнем. Красноармейцы с дороги вразнобой отвечали на него.

– Мужики, все видят мастерскую? Давайте туда, занять оборону в районе лестницы! – крикнул Брагин. – Марецкий, ты почему еще там? Пулей сюда!

Андрей Марецкий петлял как заяц, весь искрил от возбуждения. Приклад автомата волочился по земле, оставляя за собой борозду. Старший лейтенант упал неподалеку от Брагина, вжался в землю, закрыл затылок сцепленными в замок кистями. Еще бы зонтиком заслонился!

Снова заработала минометная батарея. На этот раз наводчики перестарались. Мины перелетели дорогу, разорвались у крайних зданий. Ударная волна хлестала по пяткам. Брагин с Филимоновым уже поднялись и опять залегли. Следующая серия мин могла накрыть мастерскую.

– Осторожно, товарищ майор! – Зацепин нервно усмехнулся. – Враг не дремлет, как говорится.

Но обстрел вновь прекратился. Из леса, зеленеющего на обратной стороне дороги, доносились крики. Гитлеровские офицеры подгоняли свое войско.

– Негостеприимно тут как-то, товарищ майор, – пробормотал Марецкий, прочищая ухо.

– Товарищ майор, это что за беспорядок? – заявил Филимонов, гнездясь в компактной лунке. – Наше управление относится к танковой армии. Почему мы не на танке?

Зацепин снова прыснул, поперхнулся, зашелся кашлем. Колючей оказалась смешинка.

В дыму в районе дороги перебежал капитан без головного убора, что-то прокричал залегшим автоматчикам.

Колонна встала, несколько единиц боевой техники и автотранспорта получили повреждения. На дороге валялись убитые. Их было немного, но какая незадача – умереть после Победы!

Вчера, 8 мая 1945 года в пригороде Берлина Карлхорсте маршал Жуков и генерал-фельдмаршал Кейтель подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии! Берлинский гарнизон сложил оружие еще неделю назад. Немцы сдавались везде, на всем протяжении фронтов, подразделениями, частями и целыми соединениями. Но именно вчера был особенный день. Конец войны, полная капитуляция. Этого дня все советские люди ждали почти четыре года и всячески его приближали.

Офицерам отдела, находившимся тогда в безымянной чешской деревушке, выпало четыре часа сна. Прежде чем отключиться, Брагин разрешил своим сотрудникам принять на грудь. Ведь это же полное уродство – не выпить в такой день! Разве мы не русские люди? Видать, перебрали, последняя кружка оказалась лишней. Но все равно Победа, черт возьми!

Все это как-то не вязалось с тем, что творилось здесь и сейчас.

Утро 9 мая выдалось хмурым и мглистым. Эсэсовцы со спаренными молниями на касках выходили из тумана, шли вразвалку, вытягивались в цепь. Следом выбирались другие, тоже выстраивались в боевой порядок. Пехотинцы шагали в полный рост, не ведая страха. Несколько человек нестройно насвистывали боевой марш «Эрцгерцог Альбрехт», в ноты не попадали, но звучал он убедительно. С проселочной дороги съезжали бронетранспортеры с крестами, тоже вытягивались в линию. Пехоты было много, солдаты шли плечом к плечу, прямо как на репетиции парада!

Красноармейцы с дороги открыли огонь. Не выдержали нервы. Ругался капитан. Кто отдал команду стрелять?!

Немцы падали, особенно в первой шеренге, но меньше их не становилось. Живые смыкали строй, шли дальше.

– Что за чепуха, товарищ майор? – растерянно пробормотал Зацепин. – Может, они того... не слышали про капитуляцию?

– Черта с два они не слышали, – заявил Брагин и скривился. – Немцы народ пунктуальный, все приказы доводятся до личного состава своевременно. Это СС, дивизия «Валленштейн». Ее части и подразделения стояли восточнее Праги. Теперь они разобщены, не имеют связи с командованием и пытаются пробиться на запад, к союзникам. Те ведь добренькие, и наказание эсэсовцам светит мягкое. Мужики, хорош трындеть, отползаем к мастерской. Скоро наши сюда покатаются.

Офицеры энергично поползли, съехали по склону. Потом они карабкались обратно на косогор, протачивали прикладами амбразуры в мягком дерне. Местность у поселка ощутимо приподнялась, дорога предстала в лучшем виде.

Свист смолк, огонь уплотнялся. Немцы стреляли от бедра, дружно перешли на бег. Их было до чертовой матери! Задние уже не строились в шеренги, валяли как попало, выкрикивая гадости в адрес Красной армии и Советского Союза. Ползли бронетранспортеры, чистили пулеметы.

Потери среди красноармейцев росли, но они продолжали отстреливаться, держались. Подчиненные Брагина тоже открыли огонь, тщательно целились, стреляли, комментируя сквозь зубы ситуацию. Автоматы разогрелись, обжигали ладони.

Забился в припадке ручной пулемет Дегтярева. Он работал почти в упор, выкашивал пехоту. Эсэсовцы, выжившие в первых шеренгах, залегли, стали швырять гранаты с удлиненными рукоятками. Пулеметная точка была подавлена. Снова поднялись пехотинцы с бледными лицами.

Головной бронетранспортер достиг дороги, перебрался через водоотводную канаву, стряхнул в кювет орудие, мешающее проезду. Из канавы вылетела противотанковая граната, рванула под колесами. Боевую машину окутал дым. Водитель яростно работал рычагами, но транспортер лишь вертелся на месте, давя собственную переключенную гусеницу. Пулеметчик в бессильной злобе припал к МГ-42, не думал о последствиях. Бойца, швырнувшего гранату, пропороли пули. Но пулеметчик тоже долго не протянул, повис на броне.

На фланге заработал еще один «дегтярь», и пехота, поднимавшаяся в атаку, сбавила темп. Солдаты падали через одного, но упорно шли. До дороги им оставалось метров тридцать.

– Товарищ майор, их не сдержать, – пробормотал Виталий Зацепин, дергая заклинивший затвор. – Этих тварей не меньше батальона, они прекрасно вооружены.

Однако боеприпасы немцы не транжирили, расходовали экономно. Они уже потеряли транспортер. Экипаж пытался покинуть машину. Один солдат кувыркнулся с брони с простреленной головой, другой нырнул в траву и затаился: не всю еще выдержку растратил.

Капитан надрывал посаженную глотку, приказывал отходить к домам. Но не всей толпой, сдерживать фрицев!

Насчет толпы он явно приукрасил. Красноармейцев осталось несколько десятков. Они растянулись вдоль дороги, пятились, продолжая отстреливаться. Часть из них залегла, сдерживала натиск. Противник накапливался за брошенной техникой.

Советские бойцы перебежали по открытому пространству, прятались за клумбами и заборами. Панического бегства не было, но фактор внезапности сработал.

Брагин стрелял по мелькающим в дыму фигурам. Указательный палец правой руки свела судорога.

Эсэсовцы приготовились к броску.

Командир нашего подразделения отступал последним, словно капитан тонущего корабля. На что он надеялся, оказавшись на открытом месте? Капитан пробежал шагов двадцать, упал ничком и уже не встал.

Красноармейцы отхлынули, залегли.

Молодой парнишка опустил на колени и с остервенением рвал клык затвора.

– Ложись, дурак, убьют! – проорал Филимонов.

Парнишка удивленно покосился на него, но залег. Рой пуль тут же просвистел над головой этого солдата.

У Брагина кончился магазин. Он перевернулся на спину, вставил новый, последний, машинально глянул по сторонам. Все офицеры его группы находились рядом, никто не отступил.

Жестко бранился сквозь зубы капитан Егор Коломиец, физически развитый мужчина с жестким седоватым ежиком на голове. Поседел он рано, ему едва исполнилось тридцать пять.

Усилилась стрельба. Немцам нужно было прорваться без вариантов, кровь из носа! Ради достижения этой цели они не считались с потерями. Смерть для них теперь уже не имела никакого значения.

Эсэсовцы залегали в канаве. Когда их накопилось достаточно, они бросились вперед. На этот раз без всяких психологических штучек, тупо на прорыв.

«А ведь они нас сомнут, – мелькнула подленькая мысль в голове Брагина. – Пусть только половина, но уйдет на запад!»

Майор гнал от себя эти дурные соображения, ловил в прицел серые мундиры и попадал практически с каждой очереди. Другие советские бойцы тоже валили немцев, но это не могло остановить их. Даже мертвые успевали проделать несколько шагов, прежде чем упасть! Катилась волна с орущими глотками. Чем ближе подбегали фашисты, тем громче орали.

Отчаяние наполняло голову майора. Не за себя, даже не за тех парней, которые примостились рядом с ним. За то задание, которое вряд ли будет по плечу им, уже убитым. Вот делать больше нечего, как уподобляться тем, кто ходит в атаки и отражает вражеский натиск! Каждый на этой войне должен выполнять свою задачу! Да и какая, к лешему, война?! Она ведь вчера закончилась!

– Врукопашную, товарищ майор? – У старшего лейтенанта Зацепина сорвался голос, он был белый как мел.

Ну да, только это и осталось. Стрельба не унималась, немцы падали через одного, но все еще лезли на прорыв.

– Сметут, товарищ майор! – прорычал Филимонов, опустошая магазин. – Вы тут самый старший по званию.

– Бойцы, приготовиться! – выкрикнул Брагин, не узнавая собственного голоса.

Это был вопль отчаяния. Все равно сметут.

У кого-то сдали нервы. Красноармейцы стали отползать, двое бросились за угол мастерской, но не добежали, повалились друг на друга.

Рослый эсэсовец с перекошенной мордой вырвался вперед, давил на спусковой крючок своего автомата. Он считал, что стреляет, хотя магазин давно опустел.

«Какая же ярость у этих людей! – подумал майор. – Даже раненые бегут, не замечая ничего. Только пуля в череп может их остановить. А лучше две для пушей надежности!»

– Вот сука! Прямо как в сорок первом, – процедил сквозь зубы Коломиец.

Но это был не сорок первый. Танковая колонна, следующая за артдивизионом, отстала на марше, но, когда впереди разгорелся бой, пошла на всех парах! Из-за перелеска танки Т-34 и открыли беглый огонь по восточному лесу, который покинули еще не все солдаты батальона СС.

Некоторые командиры машин мигом вникли в ситуацию и стали разряжать орудия в узкое пространство между дорогой и окраиной предместья. Участок местности шириной в сто метров покрылся частоколом разрывов. Фашистская ватага была остановлена. Осколки рвали фанатично настроенную публику. Многие и не сразу сообразили, что происходит. Офицеры покатались с косогора. Остальные тоже прекратили стрельбу, сплющились на еще не прогретшейся земле. Открытое пространство заволок тяжелый дым.

Брагин выудил из подсумка единственную гранату, выдернул чеку и швырнул через голову. Береженого, как говорится...

Так же поступили Марецкий и пара других бойцов. Они видели, что происходило на поле боя. Танки шли вперед, съезжали с дороги, чтобы не таранить дымящуюся колонну, били прямой наводкой.

По лестнице скатился орущий эсэсовец. Добежал-таки! К нему метнулся красноармеец с ножом, но делать ничего не пришлось. Немец при падении сломал себе шею. Другие не добрались сюда.

С дороги, дребезжа рессорами, съехала полуторка, набитая солдатами со звездами на касках. Автоматчики выпрыгнули на ходу, развернулись в цепь.

Тут все и закончилось. Красноармейцы добились деморализованных гитлеровцев, удивляясь, что никто не поднял руки. Ревели танки, давя тела в опостылевших мундирах. Пробежала

цепь автоматчиков. Люди поднимались, озадаченно смотрели по сторонам. Колонна артдивизиона понесла большие потери. Погибла половина личного состава, практически все офицеры.

В группе Брагина никто не пострадал, хотя измазались вдоволь.

Красноармейцы вытаскивали своих раненых. Над полем зависла многоэтажная брань.

Военнослужащие из артдивизиона оценивали потери. Кто-то сбивал брезентом пламя с горящего кузова. Поврежденные орудия тащили из кюветов, используя грубую мускульную силу и все ту же затейливую матерщину.

Подчиненные Брагина выбрались к своей машине. «Виллис» стоял в хвосте колонны, погрузившись носом в канаву водостока. Двигатель заглох. В корпусе зияли пробоины. На первый взгляд их было немного.

– Бомбит меня что-то, товарищ майор, – пожаловался Виталий Зацепин, опускаясь в траву.

– Физиономия у тебя, приятель! – заявил Марецкий. – Словно из горящего танка достали.

– На свою посмотри, – огрызнулся товарищ. – Чем она лучше?

– Подъем, товарищ старший лейтенант! – заявил Брагин. – Забыл, кто у нас за заморское чудо техники отвечает?

Да, за «Виллис» традиционно отвечал именно старший лейтенант Зацепин. Во-первых, он был самый молодой в группе, во-вторых, лучше всех прочих разбирался не только в автомобилях, закончил радиотехникум в подмосковном Подольске.

Бурча что-то себе под нос, Виталий осмотрел машину, забрался на водительское сиденье, завел двигатель. Мотор работал, хотя мог бы это делать и увереннее.

– Жить будет? – поинтересовался Брагин.

– Так точно, товарищ майор, даже поедит еще. Из канавы «Виллис» тоже мне прикажете вытаскивать?

Внедорожник упирался всеми силами, когда офицеры втроем навалились на капот, а Зацепин за баранкой манипулировал педалями и рычагом. Колеса остались целыми, бак не протек. Машина рывками выбралась на проезжую часть, и двигатель заглох. Зацепин красиво высказался по этому поводу и снова его завел. Он тревожно вслушивался в звуки, доносящиеся из-под капота и напоминающие куриное кудахтанье. Посыпалось стекло из хрустнувшей фары, повисла лампа с оборванным проводом.

– Это не проблема? – спросил далекий от техники Марецкий.

– Все отлично, – неуверенно отозвался Виталий. – Поедем с подбитым глазом.

Он увел машину с проезжей части, прижал к обочине. Дорога была закрыта, пришлось ждать. На востоке еще стреливали. Танковые колонны шли в обход заблокированного участка. Переваливались с боку на бок набитые полуторки.

Со стороны Праги звуки боя не доносились. Город был фактически очищен от неприятельских войск.

Ругались техники. Кому-то удалось завести тягач, он вытаскивал из кювета орудие. Проезжую часть с горем пополам освободили. Возмущались офицеры. Где обещанная похоронная команда? Смотреть на мертвых товарищей было тошно. Лучше бы не сообщали об окончании войны!

Зацепин распахнул капот, решил убедиться в том, что все работает. Остальные сидели в машине, курили с мрачными минами.

Многие части вермахта и СС в эти дни пытались прорваться на запад из центральных областей Чехословакии. Если армейские формирования предпочитали сдаться при первом же контакте с русскими, то части СС дрались до последнего, доводили сопротивление до полного абсурда. На воззвание своего командования о капитуляции они плевать хотели, подчинялись только рейхсфюреру Гимmlеру, который давно перестал отдавать приказы ввиду своего исчезновения. Советские самолеты-разведчики постоянно барражировали воздушное пространство

Чехии, но не всегда могли выявить колонны противника. Те старались передвигаться скрытно, в стороне от дорог.

Проезжую часть вскоре расчистили. Безнадёжно поврежденную технику растащили по обочинам. Но дорога свободнее не стала.

По шоссе шли сорокашеститонные танки ИС-2. Это были настоящие монстры. Их длина вместе с орудием превышала десять метров. Такие боевые машины, снабженные катаной броней повышенной твердости, двадцатидвухмиллиметровой скорострельной пушкой, тремя пулеметами ДТ и одним зенитным ДШК, являлись передвижными крепостями и на шоссе могли разогнаться до сорока километров в час. Подбить эту махину из простого орудия было невозможно. Дышать, находясь рядом с ней, – тоже.

Офицеры достали носовые платки, Филимонов уткнулся в рукав. От гула моторов закладывало уши. Танковая колонна, к счастью, была небольшой, но за ней потянулись грузовики, пикапы «ГАЗ-4» с личным составом и боеприпасами.

Рядом на обочине затормозил командирский «Виллис». С сиденья спрыгнул плотный подполковник с петлицами бронетанковых войск, вразвалку подошел к офицерам. На заднем сиденье пришли в готовность два автоматчика, подтянули к себе ППШ.

– Здравия желаю! – сказал подполковник.

Он был неприятно удивлен неуставной реакцией этих людей на его появление. Они не спешили покинуть машину и вытягиваться по струнке.

– Подполковник Резников, начальник штаба двести двенадцатой механизированной бригады. Кто такие?

Сотрудники военной контрразведки не носили особенной формы. Собственных знаков различия у них не было. Единственное, что отличало этих людей от всех прочих, так это служебное удостоверение. Влад не замедлил его предъявить. Блеснули красные корочки с золотым тиснением.

– Майор Брагин, – представился он. – Начальник оперативного отдела управления СМЕРШ третьей танковой армии. Выполняем задачу, поставленную командованием. Эти офицеры – мои сотрудники. Есть проблемы, товарищ подполковник?

– Все отлично. – Резников почему-то сразу поскучнел. – Прошу простить.

– Ничего, бывает. Все в порядке, товарищ подполковник. Ждем, когда освободится дорога.

Военную контрразведку в армии не то чтобы не любили, но старались держаться от нее подальше. Это касалось всех, включая даже высшее командование.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – на всякий случай осведомился подполковник.

– Освободите для нас дорогу, – пошутил Влад.

– Боюсь, что это не в моей компетенции, товарищ майор. – Подполковник смутился еще больше.

Он догадался, что это шутка, бегло козырнул, вернулся к машине и предпочел отвернуться, когда проезжал мимо. Лихой водитель резко крутанул баранку и вклинился между двумя грузовиками. Скрипели тормоза, бранился шофер.

– Может, и мы так, товарищ майор? – предложил Зацепин, захлопывая крышку капота.

Спешить было, в принципе, некуда. День только начинался, а столица Чехословакии находилась совсем рядом. Пусть войска обоснуются там, возьмут под контроль важнейшие объекты. У офицеров СМЕРШа свои задачи. Им не к лицу постоянно участвовать в перестрелках.

– Сидим в машине, курим.

Возражений не было. Офицеры достали папиросы, высекли пламя из зажигалок. Зацепин, уже перекуривший, сливал в бензобак остатки горючего из канистры.

Майор пытливо разглядывал своих людей. В бою никто не оплошал, не впал в панику, и это радовало Брагина. Его офицеры прошли очередное испытание. Сколько их уже было! Даже в эти последние дни войны контрразведка несла потери. Два оперативника погибли под Берлином, третий – в Мозерском лесу, где штаб соединения попал под танковый удар.

12-я армия генерала Венка пошла на прорыв, чтобы спасти 9-ю армию Теодора Буссе, гибнущую в окружении. Первые дни советским войскам было туго, приходилось пятиться, сдерживая натиск. Наше командование явно недооценило полководческие способности Вальтера Венка. Обладай тот перевесом в людях и технике, и все могло бы закончиться плачевно. Но резервов у вермахта не было, и атаки Венка в районе Потсдама пошли на спад.

Но в окружении под Мозырским лесом погибли многие. В том числе капитан Рубинов, гордость третьего отдела, бывший начальник уголовного розыска в крупном промышленном городе, обладавший звериным чутьем на вражеских лазутчиков. Брагин горячо надеялся, что эта потеря была последней.

Каждый выживший был по-своему хорош.

Егор Коломиец был родом из Ворошиловграда, бывшего Луганска, в мирное время работал оперуполномоченным НКВД, с начала войны служил в особом отделе, да не где-нибудь в тылу, а на передовой. Этот крепкий, кряжистый, мрачноватый, часто язвительный, но не злой человек временами уходил в себя, что объяснялось тяжелой контузией в сорок четвертом. На Егора можно было положиться. Как шутил Марецкий: «С этим парнем я бы пошел в контрразведку». Порой он говорил не то, что хотел бы услышать от него командир, со многими вещами не соглашался, но это ни разу не отразилось на их совместной службе.

Старший лейтенант Филимонов был тоже крепыш, но куда проще. Отсутствие образования заменяли природная смекалка и наблюдательность. До войны Макар работал в милиции на Урале, потом посвятил себя военной службе – вневедомственная часть, охрана важных государственных объектов, особый отдел, контрразведка НКВД, СМЕРШ Наркомата обороны. Семьи у Филимонова не было, если не считать матери, живущей в далеком уральском городке.

У Коломийца, собственно, тоже. Жену и сына он потерял в сорок первом. Они не выбрались из горящего Смоленска. Егор до сих пор не пришел в себя, стонал по ночам, звал их.

Колонна прошла. Остались пыль и смрад, убивающий наповал.

– Трогайте, товарищ старший лейтенант.

Зацепин плавно начал движение, дистанцируясь от чадающей колонны. Прибыла похоронная команда, приступила к работе. В ту сторону водитель старался не смотреть. Когда оборвались перелески и дорога втянулась в пригород, он снова улыбался и непринужденно вертел баранку. Этот двадцатипятилетний парень не умел долго печалиться. Он имел располагающую внешность, только уши подкачали, торчали, как у слона.

Так уж распорядилась судьба, что Виталий по окончании радиотехникума в первые два года войны на фронт не попал, хотя старательно обивал пороги всех военкоматов, попадавших ему на пути. Потом все же был призван, отправился на ускоренные лейтенантские курсы.

Начинал он в разведке летом сорок третьего, на Курской дуге, потом был рекрутирован в военную контрразведку, перешедшую в подчинение Наркомата обороны. Виталий успел вникнуть в свою новую профессию, был представлен к ордену Красного Знамени, после чего получил проникающее ранение в брюшную полость и надолго отправился в госпиталь. Возможно, именно это обстоятельство и спасло пареньку жизнь. Ведь молодые оперативники гибли так же часто, как пехота под проливным огнем.

Вчера, когда все узнали о капитуляции фашистской Германии, Зацепин даже расплакался. Потом он выпил и признался со скорбным видом: мол, я всегда был уверен в том, что живым эту новость не встречу.

– Едем в город, товарищ майор? – деловито осведомился Марецкий. – Вы, кстати, до сих пор не поставили нас в курс очередного задания. Это военная тайна?

Брагин молчал. Он мог бы сослаться на тучу поговорок и пословиц – «Поспешишь – людей насмешишь», «Меньше знаешь – крепче спишь», «Болтун – находка для шпиона», – но предпочел отделаться молчанием.

Старшему лейтенанту Марецкому было двадцать девять, он имел высшее образование, закончил филологический факультет, что вызывало у товарищей некоторую подозрительность. Попутно Марецкий занимался боксом, это его товарищам нравилось больше. Он был изящен, жилист, обладал внимательным взглядом, лучше всех умел выстраивать логические цепи, раскладывать соображения по полочкам и подвергать их анализу. Интеллигентность в пятом колене впечаталась в лицо, как родимое пятно, свести ее не могли ни грязь, ни пот, ни кровь. Он даже матерился интеллигентно. А уши, в отличие от Зацепина, имел маленькие. Они плотно прижимались к вискам, и было удивительно, что он вообще что-то слышит.

Из тумана выросла столица Чехословакии. Советские войска наводнили дороги, входили в Прагу фактически без боя. Лишь иногда в отдельных кварталах вспыхивали перестрелки. Где-то прогремел взрыв, но продолжения не последовало. Пригороды были опрятны и ухожены. Даже собаки здесь отличались хорошим воспитанием. Аккуратные домики с черепичными крышами постепенно подрастали, превращались в двух- и трехэтажные. За кирпичными заборами тянулись промышленные предприятия. Кругом еще пестрели нацистские плакаты с надписями на чешском языке, многие слова которого перекликались с русскими.

Улицы и переулки наполнялись войсками. Кое-где местные жители поедали глазами освободителей. Где обещанные рожки и хвосты? На развилках стояли регулировщицы и бодро помахивали флажками. Солдаты из машин кричали девчонкам комплименты, иной раз не самые приличные, но те только посмеивались.

Приближался огромный город. Уже виднелись высокие дома с оранжевыми черепичными крышами, шпили католических соборов.

Брагин на минуту закрыл глаза, расслабился. Фотографию из нагрудного кармана можно было не вынимать. Он помнил ее наизусть. Дочка Лиза, четыре года, уже не маленькая, многое понимает, имеет собственное мнение о жизни, ждет не дождется, когда же с войны в далекий Томск вернется папа. С той же фотографии смотрела бабушка Лизы Анна Петровна, мама Влада.

Это было все, что осталось от большой семьи. Скончался отец, погиб на фронте брат Алексей. Пятнадцать месяцев назад, зимой, поздно вечером, на автобусной остановке умерла супруга Брагина Оксана. Она возвращалась со второй ночной смены, пришлось задержаться, все автобусы уже ушли. Никто не знал, что произошло. Люди обнаружили Оксану только утром, когда она превратилась в ледышку. Та зима в Сибири была невероятно холодной.

Брагин выл, как волк на луну, когда получил письмо от матери с сообщением об этом, замкнулся в себе, чуть не сорвал ответственное задание. Потом лез на рожон, испытывая равнодушие к собственной жизни. Но кто-то берег его. Влада не зацепили пули диверсантов, которых в Белоруссии в августе сорок четвертого было как грязи.

«Виллис» въехал в город.

На пустыре под охраной автоматчиков сидели несколько человек с бледными лицами. Форма – немецкая, физиономии – русские. Эти люди не шевелились, опустили головы. На рукавах шевроны. Надпись «РОА», ниже – синий крест на белом фоне. Это были власовцы.

Что произошло три дня назад в чешской столице с непосредственным участием этих изменников? Почему они вели себя именно так, какие цели преследовали? Эти события пока еще анализу не подвергались, но факт оставался фактом. Именно 1-я пехотная дивизия РОА освободила Прагу от гитлеровцев.

Военные сводки поступали в СМЕРШ своевременно. «Вести с полей», – остроумно окрестил их Марецкий. Советские войска еще штурмовали Берлин, а решение о проведении Пражской операции уже было принято.

Разворачивались от германской столицы войска 1-го Украинского фронта. С востока через Словакию подступал 2-й Украинский фронт. Танковые части обоих фронтов перебрасывались на направления главных ударов. Командование планировало расцечь немецкую оборону, а затем уничтожить ее.

Приказ о капитуляции командованию группы «Центр» был не указ. Немцы решили обороняться до последнего, стянули основные войска в район Праги. На линии от Дрездена до Ческе-Будеевице скопилось 900 тысяч солдат противника, в том числе дивизии СС «Валленштейн» и «Дас Рейх».

6 мая 1-й Украинский фронт начал наступление на юг. На следующий день приступил к активным действиям 2-й Украинский. Бои шли круглосуточно, немцы откатывались. Танковые клинья проникли в оборону противника, разрезали ее как нож масло. На вторые сутки наши войска оказались в глубоком тылу группы армий «Центр», освободили Дрезден, Теплице.

Вечером 8 мая было передано сообщение советского командования о безоговорочной капитуляции Германии. Немцам предложили сдаться, но те этого не услышали. Умные головы в гитлеровских штабах понимали, что все кончено. Во главу угла ставились отход на запад и сдача американцам. Приказ о капитуляции был разъяснен личному составу весьма своеобразно. Мол, надо как можно дольше продолжать борьбу, выиграть время и пробиться на запад.

Но организованное сопротивление быстро развалилось. Особенно после того как войска 5-го механизированного корпуса разгромили колонну штаба группы армий «Центр». Дорога на Прагу оказалась открытой.

Откуда тут взялись власовцы? Сведения об этом пришли в СМЕРШ с опозданием и сильно удивили сотрудников данной структуры. Держать фронт вооруженные силы так называемого Комитета освобождения народов России даже не собирались. Там тоже имелись неглупые головы. 1-я пехотная дивизия РОА под командованием генерал-майора Буняченко самовольно снялась с Восточного фронта и двинулась в сторону Праги. Призывы немецкого командования вернуться на позиции эффекта не возымели. Разоружить восемнадцатитысячное войско немцы не могли.

По задумке деятелей КОНР, войска должны были следовать в Австрию, оттуда в Словению, на соединение с отрядами Драгомира Михайловича, командующего Югославским войском в Отечестве. Эта организация не подчинялась никому, ни немцам, ни коммунистам. Совместными усилиями предполагалось отделить северную часть Югославии от основной территории страны и получить помощь западных держав, создать буфер между Веной и Белградом. Об этих планах Власов поведал Буняченко лично, еще на Одерском фронте.

Две недели дивизия шла маршем. В Праге зрело восстание против немецких оккупантов. Чешский национальный совет контролировали коммунисты, подпольную комендатуру «Бартош» – сторонники западного образа жизни. Выяснить отношения было не время.

3 мая, когда в распоряжение Буняченко прибыли представители повстанцев, дивизия стояла в сорока километрах от города. Восставшие просили помощи. Генерал Власов им категорически отказал, резонно полагая, что это вызовет потерю времени.

Однако командующий 1-й дивизией РОА генерал Буняченко принял другое решение, пообещал подтянуть войска. Чем он руководствовался, загадка. Уж явно не соображениями оказать безвозмездную помощь братскому славянскому народу. Возможно, в дальнейшем собирался просить политического убежища в демократической Чехословакии, куда придут американские войска. Однако отдавать союзникам Чехословакию Советский Союз не собирался.

Переговорщики пришли к соглашению с власовцами, дали им проводников и карты города. 5 мая в Праге немецкие административные учреждения подверглись атаке. Вспыхнули стычки и перестрелки. Тяжелый бой разгорелся у здания Чешского радио. На улицах возводились баррикады и заграждения.

Командующий группы армий «Центр» Фердинанд Шернер стянул к Праге все имеющиеся войска, двинулся на восставших. Советских и американских войск поблизости не было. Немцы предполагали, что легко потопят восстание в крови.

Генерал Буняченко переговорщиков не обманул и 7 мая отдал войскам приказ о переходе в наступление. Он уже знал, что американцы не планируют марш на чешскую столицу, и все же решился брать город. Что двигало предателем, неизвестно.

Буняченко был членом коммунистической партии, прошел Гражданскую войну, сражался в Туркестане с басмачами, затем учился в Военной академии имени Фрунзе, воевал на озере Хасан. В сорок втором командовал стрелковой дивизией на Закавказском фронте, в конце года попал в плен, но предпочел не геройствовать, подал рапорт о вступлении в ряды Русской освободительной армии, где и сделал неплохую карьеру.

Наступление на Прагу дивизии Буняченко стало для немцев полным сюрпризом. РОА давно не подчинялась германскому командованию, но немцы и представить не могли, что ее солдаты развернут штыки против них. К вечеру 5 мая власовцы развернулись в боевой порядок и обрушились на город с юга. Стрелковые полки блокировали аэродром в Рузине, где стояли реактивные истребители, захватили мосты через Влтаву, устремились в центр чехословацкой столицы. Артиллерия обстреливала штаб германского командования и места скопления эсэсовцев. Подвести свежие силы немцы не могли, дороги были перерезаны.

Действия дивизии РОА были, как это ни странно, грамотными и решительными. Она полностью очистила от немецкого гарнизона большую часть города.

Генерал Шернер вел переговоры с повстанцами о выходе своих войск без боя. Ему каким-то образом удалось поладить с ними, и немцы стали покидать Прагу.

Но порадоваться победе власовцам не довелось. Боясь реакции Советского Союза, Чешский национальный совет потребовал у Буняченко покинуть город. Тот и сам понимал, что союзники сюда не придут. А прибытие Красной армии, с которой ему меньше всего хотелось встречаться, – дело пары дней.

На запад вслед за немцами ушли почти все. Остались только раненые в госпиталях и небольшие разрозненные подразделения. 8 мая чешские партизаны схватили и передали советским властям начальника штаба вооруженных сил КОНР генерала Трухина. Власов и Буняченко были пока в бегах. Утром 9 мая войска 1-го Украинского фронта вступили в город, практически не встречая сопротивления.

– А ничего, красивый городок, – вынес вердикт Зацепин, крутивший головой, как сыч.

В плотно застроенных старых кварталах разрушений было немного. Авиация в городе не работала, а артиллерия Буняченко обстреливала лишь отдельные районы. Мирные жители выходили из домов, робко поглядывали на освободителей. Никто не знал, что такое Красная армия. Люди боялись неизвестности.

«Виллису» пришлось опять уйти на обочину. Колонна догнала его и гудела, требовала пропустить. Боевая техника втягивалась в узкие улочки.

Из подъезда вышла женщина в клетчатом пальто и берете, попятилась, прижала ладонь к губам и торопливо исчезла в темноте. Это было нормально. Ничего, стерпится, слюбится.

Весь предыдущий день у подчиненных майора Брагина был посвящен работе с перебежчиками. Трудились они в походных условиях, армия на месте не стояла. Бледные лица немецких офицеров проходили перед их глазами. Бывшие сотрудники абвера, потерявшие последние ориентиры, массово сдавали своих коллег, агентов, обосновавшихся в советском тылу. Некоторые просили дать им пистолет с одним патроном, другие, наоборот, цеплялись за жизнь и готовы были рассказать все.

О капитуляции Германии еще никто не знал, когда майор Брагин был вызван к начальнику армейского управления. Полковник Ларионов выглядел страшно, весь бледный, издер-

ганный, черные круги под воспаленными глазами. Люди забыли, что такое сон. Расхожая поговорка «После войны отоспимся» пока не работала. Война закончилась, но не для всех.

– Забудь, майор, о том, что ты делал до текущей минуты, – без обиняков заявил полковник Ларионов. – Все твои дела будут переданы капитану Астафьеву. Завтра утром мы входим в Прагу. Надеюсь, сопротивление будет незначительным, мы быстро зайдем город и перекроем все выезды из него. Твоя первоочередная задача – штабс-архивариус Отто фон Шломберг, барон, начальник пражского отделения шестого управления РСХА, занимавшегося внешней разведкой. Он должен быть взят в живом и неповрежденном виде. Это не моя прихоть и даже не требование фронтового управления. Бери выше. Приказ поступил из Москвы от самого товарища Меркулова. Этот фон Шломберг – фигура одиозная, крайне информированная. Можно сказать, ас разведывательного дела. Человек умный, хитрый, но, как теперь выяснилось, не всегда умеющий просчитывать шаги и имеющий проблемы с прозорливостью. До убийства Гейдриха в сорок втором году – а это, если помнишь, был печально известный протектор Богемии и Моравии, правая рука Гимmlера, – был его доверенным лицом. Можешь представить, в какие секреты рейха посвящен этот господин. Получишь фото и все материалы, которые удалось собрать. Предвосхищаю твой вопрос: чего бы Шломберг сидел в Праге и ждал, когда его приберут советские органы? Удивлю тебя. До последнего времени он там сидел, рассчитывая сдать себя американцам. Немецкая разведка уже хромала, не знала, что дальше Пльзень генерал Паттон не пойдет. Когда это выяснилось, началось восстание, потом на город свалились власовцы, нарушившие присягу, данную мертвому фюреру. В окружении Шломберга есть наш агент с псевдонимом Клест. По национальности прибалтийский немец, советский гражданин Карл Винс, надежный и проверенный сотрудник. Он много лет работал на разведку. Так получилось, что первыми в город входим мы. Получен приказ не ждать, пока развернутся разведывательные структуры, приложить все усилия к поиску и поимке Шломберга. Нашему сотруднику барон доверяет. У Винса была возможность регулярно выходить на связь, что он и делал. Захватить барона раньше не выходило. Чешские подпольщики несколько раз получали эту задачу и не справлялись с ней. Шломберга надежно охраняли. Все последние дни барон находился в Праге, в подвале своего управления. Тянул до последнего. Впрочем, под защитой собственных войск он неплохо себя чувствовал, готовился к эвакуации. Далее все произошло стремительно. Восстание в городе, атака власовской дивизии, и намеченные тропки оказались отрезаны. Приближенные его предали, свалили из города без предупреждения. Он тоже пару раз пытался вырваться, но вынужден был возвращаться и сменил убежище, сидел в подвале крупного магазина, расположенного на Иржинской улице. Немецкие войска уходили из города, а барон не мог к ним прорваться. Район, где он находился, заняли власовцы. Просто так к своим не просочиться. С ним эсэсовская охрана, пара приближенных, документы, которые он планирует вывезти на запад. Без этих бумаг барон союзникам не больно-то нужен. В последнем сообщении от Клеста говорилось, что Шломберг собирается менять убежище. У него есть новый план насчет того, как выбраться из города.

– Последнее?.. – спросил Брагин.

– Да, последнее. – Полковник поморщился, он не любил, когда его перебивают подчиненные. – Больше Клест на связь не выходил, и это нас сильно тревожит. Радисты постоянно в эфире, ловят все сигналы, поступающие из Праги. Клест мог провалиться, погибнуть, получить ранение. Во время его последнего сеанса на улицах велись перестрелки. Уже двенадцать часов нам ничего не известно о местонахождении Шломберга. Имеются несколько адресов в городе, их передал нам Клест. Барон может быть там. Это необходимо проверить. Будем надеяться, что Клест с нами еще свяжется. Если же нет...

– Позвольте уточнить, товарищ полковник. Утром текущего дня Шломберг еще находился в Праге. С ним архив, приближенные и охрана. Можно не сомневаться в том, что в критической ситуации он все это бросит и побежит налегке. Мы появимся в Праге только завтра.

Допустим, город будет перекрыт. Но с сегодняшнего утра до завтрашнего пройдут целые сутки. Немцы из Праги ушли. Власовцы тоже. Мне жаль, товарищ полковник, но эта затея...

– Я понимаю не хуже тебя, майор, – заявил Ларионов. – Шломберг не дурак, не будет сидеть без дела в пустом городе. Не исключено, что он уже скрылся. Но точно мы не знаем. Возможен миллион обстоятельств. Изучи материалы, карту города. Потребуются войска – обращайся, привлекай чешских коммунистов и подпольщиков. Тебя сведут с ними. Обыщи этот чертов город, прояви инициативу, фантазию, воображение. Да, девяносто процентов, что барон сбежал. Тогда ты должен проследить его маршрут – пеший, автомобильный, какой угодно. В полный рост на запад он не пойдет. Там власовцы, да и наши уже подпирают. Если выяснишь, что Шломберг добрался до союзников, то добудь подробную информацию. Кому и когда он сдался, номер части, кто командир. Будем связываться с американцами, давить на них. Выших чинов СС они как правило нам возвращают, боятся запачкать ручки. В общем, ты понял меня. У тебя карт-бланш, соответствующий мандат будет выписан.

– Я понял, товарищ полковник. Разрешите получить материалы?

Штандартенфюрер СС Отто фон Шломберг был крепким орешком. С тридцать шестого года в СС. Он курировал разведывательные структуры на территориях, оккупированных рейхом, включая Чехословакию и Советский Союз. Барон лично отправлял агентов в чешское Сопротивление и контролировал их внедрение на освобожденных территориях СССР. Можно было долго не гадать о том, какой именно архив он собрался вывезти и передать западным спецслужбам.

Сведения о наличии семьи источники не сообщали. Деятели подобного уровня умеют их скрывать.

С фотографии смотрел пожилой сухопарый господин с тяжелым взглядом и крупной проплешиной выше лба, которая его не портила, а только добавляла импозантности. Рост метр восемьдесят, телосложение спортивное. В послужном списке репрессии в сорок втором против жителей Праги, участие в «окончательном решении еврейского вопроса» и в кровавом подавлении Варшавского восстания в сорок четвертом.

Агент Клест был невыразителен, но имел запоминающийся взгляд. Средний рост и вес, обычное лицо. Звание – штурмбаннфюрер, но форму он предпочитал не носить, будучи кабинетным работником. Клест неоднократно связывался с надежными товарищами из чешского коммунистического подполья, так что там его должны были знать.

Зацепин вывел машину на проезжую часть. Узкая улочка освободилась. Дома здесь уцелели, только в окнах были выбиты стекла, на стенах зияли отметины от пуль и брызги крови.

Прага становилась выше, солиднее. Дорога расширилась. «Виллис» миновал площадь, подвергнувшись артобстрелу. Ее обрамляли рослые четырехэтажные дома, возведенные в стиле барокко. Часть кладки была выбита, под стенами валялся мусор. Какие-то люди в штатском сгребали его лопатами, опасливо косились на машину, проезжающую мимо.

Глаза офицеров фиксировали окна зданий. Опасность, видимо, сохранялась, но не такая, как в Берлине, где снайперы и гранатометчики наперебой палили из-за любого укрытия. Оконные проемы были зашторены. Из них иногда высовывались любопытные носы.

Южную границу площади венчал двухбашенный католический храм. Острые шпили цепляли небо. Одна из башен была черной от копоти, в кладке зияли дыры. Видимо, с верхотуры отстреливался пулеметчик и усмирить его удалось только выстрелом из орудия.

За площадью в южном направлении тянулась широкая улица. Дома на ней имели повреждения. Покосилась табличка, извещающая, что здесь всегда можно купить свежий хлеб и плетеные булки. Вдоль дороги стояли тридцатьчетверки, зевали водители в шлемофонах.

Автоматчики вели навстречу «Виллису» группу пленных. Их было человек двенадцать, все в немецкой суконной форме, но без головных уборов, ремней, знаков отличий. У некото-

рых на рукавах сохранились трехцветные бело-сине-красные повязки, грязные, скомканные. Автоматчики толкали пленных, подгоняли, кричали на них матом. Те в долгу не оставались, отвечали тем же. Высокий мужчина с подбитым глазом пытался что-то сказать конвоиру, но тот лишь ударил его по шее прикладом.

– Что за публика, товарищ майор? – спросил Зацепин и так вывернул голову, что чуть не протаранил фонарный столб.

– На дорогу смотри, – проворчал Влад. – Это власовцы, так называемая Русская освободительная армия. Основные части ушли, но кто-то остался, и вот теперь наши ребята их отлавливают.

– А что за повязки трехцветные? – не унимался старший лейтенант. – Никогда таких не видел.

– Флаг Российской империи, – пояснил всезнающий Марецкий. – С ними белые в атаку ходили в Гражданскую. Только у них на флаге еще герб присутствовал, общипанная двуглавая птица. В общем, устаревшие, отжившие и никому не нужные символы. Власовцы их воскресили. Ведь они уверяют, что не за фашистов воюют, а за некую Россию, свободную от большевиков, за народ. А немцы – так, временные союзники. На самом деле те еще прихвостни.

– А чего они на Прагу-то пошли, против своих хозяев выступили, вытеснили их из города? – спросил Зацепин.

– Это их грехи не умаляет, – отрезал Коломиец. – Раньше надо было думать. Прагу мы и без них взяли бы. Надо же, помощники нашлись! Моя бы воля, всех бы к стенке поставил. Они ведь против страны пошли, своего народа. Так что как ни копошись теперь, а отвечать придется.

Тут вдруг позади прогремел нестройный залп. Зацепин от неожиданности выпустил баранку и чуть снова не въехал в фонарный столб. Заскрипели тормоза. Офицеры вскочили, схватились за автоматы.

– Вот черт! – заявил Макар Филимонов и облегченно выдохнул. – Предупреждать надо.

Пленных далеко не погнали, расстреляли за пустырем, даже не дав толком выстроиться. Там валялись мертвые тела. Тот самый детина еще сползал, скребя ногтями по кирпичной кладке. Прогремела добавочная очередь. Дернулся еще один раненый и тоже отмучился. Красноармейцы забросили автоматы за спины, сломали неровный строй.

– Все правильно, туда им и дорога, – процедил Коломиец. – Собакам собачья смерть. Без суда и следствия, по законам военного времени.

– А убирать их кто будет? – спросил Марецкий.

Расстрельная команда вышла на дорогу, построилась в колонну по два. Немногочисленных мирных жителей как ветром сдуло с улицы.

– Решат вопрос, не волнуйся, – отмахнулся Филимонов. – Передадут кому надо, пригонят пленных немцев и уберут.

В душе майора Брагина остался неприятный осадок. Предателей он, мягко говоря, не любил и тоже считал, что каждый должен получить по заслугам. Измена Родине – определенно вышка. Но что мешает хоть как-то соблюсти законность? Это не критический сорок первый, когда на все формальности не хватало времени и имелся соответствующий приказ. Сейчас такового не было. Даже предатели имели право на суд. Но подобные мысли он никогда не озвучивал и сейчас не стал, отделался молчанием.

Глава 2

– Проходи, майор, садись, если место найдешь. – Полковник Ларионов уже не казался таким дерганым, говорил нормальным голосом.

Тому имелась причина. В помещении присутствовала женщина. Ларионов даже подбоченился, поглядывал свысока.

Чуток помедлив, Брагин вошел внутрь. Его сотрудники остались в коридоре.

Управление временно разместилось в здании районного магистрата, недалеко от Староместской площади. В окно виднелся величественный шпиль католического собора, грудились оранжевые крыши. В этом районе было много архитектурных творений в стиле барокко и модерн. На улице Стrojевской, где находился магистрат, преобладала средневековая архитектура или здания, стилизованные под старину. Это было безумно красиво, но времени на осмотр достопримечательностей у офицеров не было. Пока они кружили по центру, видели собор Святого Вита, каменные мосты через Влтаву, ратушу с курантами, памятник Яну Гусу на Староместской площади.

Да и этот кабинет выглядел очень даже неплохо. На полу паркет, на стенах портреты каких-то людей в жабо и камзолах. С потолка свешивалась хрустальная люстра.

Присесть в кабинете было действительно негде. Оба венских стула для посетителей были заняты. У дальней стены расположились мужчина и женщина в гражданской одежде. Они вопросительно уставились на полковника, но тот сделал вид, что этого не заметил, сидел за столом, перебирал пухлые папки.

– Съездил по полученным адресам? – осведомился Ларионов.

– Так точно! – ответил Влад. – Посетили оба адреса на улицах Клаймо и Имерецкой. Соседи принципиально не хотели с нами общаться, делали вид, что ни слова не понимают по-русски. А у нас с чешским языком... сами понимаете. В школе не проходили. – При этих словах барышня, сидящая у стены, бледно улыбнулась, но быстро исправила ошибку, вернула каменное лицо. – Мы взломали замки, вошли внутрь, тщательно все осмотрели. Можно с уверенностью сказать, товарищ полковник, что в эти квартиры уже месяц никто не заходил. Наш агент там не объявлялся. Какие будут указания? Товарищ Клест, предполагаю, на связь не вышел?

– Не косись на этих людей, – сказал полковник. – Они посвящены в наш вопрос и знают товарища Винса. Это чешские коммунисты, они поддерживали связь с нашим агентом, говорят по-русски. За них поручился сам товарищ Дворжак, глава коммунистической фракции в Чешском национальном совете. Они принимали участие в восстании и тоже озабочены судьбой пропавшего Клеста. Кстати, именно с радиостанции, находящейся на их явочной квартире, Карл Винс выходил на связь. Познакомьтесь. Товарищи Франтишкова и Горан. А это наш сотрудник, начальник оперативного отдела майор Брагин Владислав Алексеевич.

Мужчина поднялся, протянул руку.

– Меня зовут Милош, – произнес он с сильным акцентом. – Поручик Горан, начальник разведывательного отдела Первой освободительной чешской бригады.

Звучало это солидно, хотя и не особо серьезно.

Влад сдержал улыбку, пожал протянутую руку. Она была уверенной и крепкой. Мужчине было слегка за тридцать, статный, черноволосый, с открытым правильным лицом.

– Вы бывший военный, товарищ Горан?

– Нет, – ответил чех. – До войны работал инженером на авиазаводе. Мы выпускали детали и узлы для гражданских самолетов. Несколько раз приезжал по обмену опытом в Москву. Это было до того, как Гитлер объявил Судетскую область территорией рейха. Звание получил уже в подполье, после выполнения нескольких ответственных заданий.

«В Москве-то тебя, дружок, и завербовали любезные дяди из НКВД, – подумал Влад. – Хотя, возможно, и тети».

– Ханна Франтишкова, – назвалась женщина, встала, протянула узкую ладонь, и Брагин ее осторожно пожал. – Работаю помощницей товарища Дворжака, поддерживала связь с советскими органами, состояла в комитете, занимающемся вопросами безопасности.

«Не замужем», – подумал Влад.

Женщине было в районе тридцати. Пепельные волосы, стянутые резинкой на макушке, бледное лицо, истончившаяся кожа, тонкие, плотно сжатые губы. Говорить о привлекательности этой особы было неуместно. Детали ее фигуры тонули в складках мужской одежды. На поясе, как и у Горана, висела кобура с «парабеллумом». Стало быть, оба они имели право носить оружие. Глаза внимательные, пытливые, но без чрезмерности. Русский язык у Ханны был лучше, чем у Горана, но какой-то мягкий акцент все же присутствовал.

– Вы тоже поручик, Ханна?

– Нет, я не поручик. – Женщина сухо улыбнулась, дала понять, что понимает иронию. – Но я тоже участвовала в боевых действиях и кое-что в этом понимаю.

– Товарищи Милош и Ханна отличились при героической обороне столичной радиостанции, – сказал Ларионов. – Были в составе небольшого отряда повстанцев, который несколько часов сдерживал натиск эсэсовцев, пока не подошло подкрепление. – Полковник немного смутился, сделал паузу.

Можно было не спрашивать, какое подкрепление. Это были бойцы полковника Архипова, чей полк входил в Первую пехотную дивизию Буняченко. Они-то и выбили эсэсовцев из района радиостанции.

«Понятно, с кем вы, братцы и сестрицы, воевали плечом к плечу, – подумал Брагин. – Хотя союзников в критической ситуации не выбирают. Вояки Власова вас не предавали, и упрекнуть их вам не в чем».

– За этих ребят поручился лично товарищ Дворжак, – продолжал Ларионов. – Будете работать в тесном контакте. Они местные, знают город, уклад, понимают, что тут к чему, и могут оказать вам помощь. Сам понимаешь, что без них мы будем плутать в потемках. «Виллис» сдадите в гараж. Вашему отделу выделен ГАЗ-61, пикап с полуоткрытой кабиной. Два места внутри, шесть в кузове, вам хватит. У чешских товарищей есть специальные пропуска, а вам они не потребуются. Возникнет нужда в живой силе – обращайся. К штабу приписана рота НКГБ, у ее командира есть приказ оказывать контрразведке всяческое содействие.

– Спасибо, но пока не надо, – пробормотал Брагин. – Мы куда-то едем?

– Да уж не на прогулку, – заявил полковник. – Рано любоваться красивыми закатами над Влтавой. Займетесь поисками Карла Винса и штандартенфюрера Шломберга. Задание никто не отменял. Оно должно быть выполнено в кратчайшие сроки. Дороги из города перекрыты, повсюду наши войска. Допускаю, что уже поздно, но... этот вопрос мы с тобой обсуждали. По двум адресам вы уже съездили. Есть еще два. Их подсказали товарищи Горан и Франтишкова. Один на улице Рызваль, другой... – Полковник досадливо щелкнул пальцами. – Запомнил. Эти чешские названия произнести трудно, хотя они вроде славянские.

– Другой – на улице Подбежецкой, – с готовностью подсказал Милош Горан. – Одна квартира недалеко от Пражского Града, другая – в районе Тршевице, это восточный район. Командир нашей ячейки Матей Брожек – он, к сожалению, погиб при обороне города – упоминал эти адреса как явочные квартиры на крайний случай. Та, что в Тршевице, была разгромлена нацистской службой безопасности СД буквально пять дней назад. Тогда погибли два наших товарища. Так что эта квартира теоретически может оказаться убежищем Шломберга.

– Барона надо искать, – сказал Брагин. – Но с Клестом произошло что-то непредвиденное. Его труп, как понимаю, не нашли. В живом виде он также не объявлялся. Предать не

мог. Где товарищ Клест? Вряд ли он укрывается на явочной квартире подполья, когда в городе советские войска. Какой в этом смысл?

– Не исключено, что Клест ранен, – негромко сказала Ханна. – Он мог столкнуться и со многими другими обстоятельствами.

С какими, интересно? Теоретизировать можно бесконечно.

Полковник Ларионов выказывал нетерпение и поглядывал на часы. Контрразведке было чем заняться в освобожденном городе.

Майор козырнул, открыл дверь и пропустил Ханну. Какой ни есть, а воспитанный человек. Женщина благодарно улыбнулась ему и вышла в коридор.

Пропускать товарища Горана Брагин не стал. Тот для этого чином не вышел.

– Лопни мои глаза! – выдохнул Виталий Зацепин, поедая глазами Ханну. – Это что, товарищ майор?

– Это кто, – поправил его Брагин, выбивая папиросу из пачки.

На улице дул прохладный ветерок. Все красноармейцы, находившиеся поблизости, перестали заниматься своими делами и вылупились на женщину.

– Я тупею! – заявил Зацепин. – Стал стеклянный, оловянный, деревянный. Какой там еще? У меня проблемы с русским языком, товарищ майор.

– Теперь понятно, почему у нас отобрали «Виллис» и выдали вот это недоразумение. – Макар Филимонов кивнул на черный пикап «ГАЗ-61», который уже обхаживал механик, подливал масло в двигатель.

Машинка была явно не новая, успела поколесить по фронтовым дорогам под градом осколков. Двигатель работал терпимо, с небольшим покашливанием.

Милош Горан насупился. Он явно чувствовал себя неуютно в компании советских офицеров из неоднозначного ведомства. Что такое СМЕРШ, с чем его едят, славянские братья по оружию примерно представляли. Ханна загадочно улыбалась, но тоже пребывала не в своей тарелке.

– Так, во избежание досужих сплетен сразу скажу, что это местные подпольщики Милош Горан и Ханна Франтишкова. Они приданы нам в помощь и владеют тем предметом, в котором мы плаваем. Просьба их ценить и уважать, – проговорил Брагин.

Теперь улыбались все, даже сдержанный и мрачноватый Коломиец.

– Что-то не так, товарищ майор? – прошептала Ханна.

– Все так, товарищ Франтишкова, – ответил Влад. – Полагаю, мама в детстве просила вас не связываться с плохими компаниями. Вот это она самая и есть.

Судя по всему, он сказал это слишком громко. Офицеры засмеялись.

– Наш командир шутит, товарищ Ханна, – успокоил женщину Марецкий. – Мы сдержанные и сознательные товарищи. А на случай чего у вас вон пистолет на поясе висит.

– Ладно, хватит ржать! – заявил Брагин. – Повеселились, и будет. Война окончена, но не для всех. Для нашего отдела это удовольствие продолжается. Едем на улицу Рызваль. Все в машину! Зацепин – за руль, Коломиец – рядом. Остальные в кузов, да не забывайте, что мы не в Москве. Здесь действует режим повышенной опасности. Далеко ехать, Ханна?

– Три квартала, товарищ майор.

Булыжная мостовая была разбита. В этом районе повстанцы строили баррикады, валили фонарные столбы. Военные бульдозеры сгребали мусор к зданиям, освобождали проезд. На расчистке завалов трудились пленные немцы, бледные, покорные. Они таскали тяжелые глыбы, затравленно косились на автоматчиков.

Машина прыгала по колдобинам. Зацепин за рулем слал искрометные послания в адрес этих чертовых пражских коммунаров. Милош Горан сидел на продольной лавке, скромно поту-

пившись, делал вид, что не понимает этих рулад. Филимонов и Марецкий больше смотрели на Ханну, чем по сторонам.

Неистребима мужская природа! Понимают, что хороша Маша, да не наша, а все равно тарашатся и фантазируют! Ханна начинала привыкать к этому вниманию.

– Мама меня в детстве ничему не учила, товарищ майор, – сказала она. – По той причине, что ее у меня не было. Она умерла при родах, я знаю ее только по фотографиям. Меня воспитывал отец.

– Прошу простить. Не знал. Надеюсь, с вашим папой все в порядке?

– Я бы так не сказала. Его расстреляли солдаты айнзатцкоманды Рудольфа Вессинга в конце мая сорок второго года. Эсэсовцы решили, что он причастен к подполью, и даже не стали утруждаться сбором доказательств, уничтожили его в числе прочих. А отец не был подпольщиком. Он просто иногда выводил людей из города, пару раз прятал евреев в укромном закутке подвала.

– Простите.

– Так вы же не знали. – Ханна проводила глазами колонну пленных солдат вермахта, среди которых было много раненых.

От внимания майора не укрылось, как напряглись скулы на бледном лице, в серых глазах заблестели льдинки.

– Как ваш муж относится к тому, чем вы занимаетесь? – Вопрос был глупый, ненужный, но все же вырвался.

– Уже никак не относится, – ответила женщина. – Радека убили на той же неделе, что и отца. Мы оба состояли в подпольной ячейке товарища Наумана. Нас сдал кто-то из соседей. Люди из гестапо сломали дверь, мы бежали по пожарной лестнице. Я спрыгнула вниз, а Радек полез на крышу, да еще и кричал. Он это сделал намеренно, чтобы гестаповцы побежали за ним, а не за мной. Они застрелили его, когда он прыгал с одной крыши на другую. Детей у нас, к сожалению, не было, хотя правильнее было бы сказать «к счастью».

Брагин тактично молчал. Неблагодарное это занятие, спрашивать у людей, переживших оккупацию, о судьбе их близких.

На них с каким-то подозрением поглядывал Милош. Ему явно не нравилось, что Ханна шепчется с советским офицером. Остальные на них уже насмотрелись, теперь глазели по сторонам.

Пикап покорял кривые улочки, забитые войсками. У Влада возникло такое ощущение, что военнотружущих Красной армии в городе теперь было больше, чем жителей, которые практически не выходили из домов.

Ханна повела рукой и проговорила:

– Там находится Йозефов квартал. Прежде там жили евреи, а сейчас не осталось ни одного. Они и у Градчан селились, и в Вышеграде. Держали лавочки, мастерские, занимались ювелирным промыслом, имели очень самобытную культуру. Половину немцы сразу убили, а потом устроили в квартале гетто. Гейдрих никого не щадил, Эйхман подхватил его почин. У нас было много друзей-евреев. Выжившие ожесточились, готовы были всех немцев изводить под корень. Это тоже, мне кажется, неправильно.

– Вы хорошо знаете русский язык, – сказал Влад.

– Первые семнадцать лет своей жизни я провела в Брно. Там было много ваших соотечественников, белогвардейцев, которые бежали из Крыма, с Кавказа. Там не было никакой политики, люди просто жили. Это были обычные мальчишки и девчонки. В нашей школе третья часть учащихся была из России. Поэтому я так много знаю о вас и вашей стране, выучила язык. Первого парня, который за мной ухаживал, звали Алексей. Вы знаете, у них не было зла на Россию и о советской власти они отзывались нейтрально. Когда мне исполнилось восемна-

дцать, мы с отцом переехали в Прагу. Он работал в типографской мастерской, я училась на фельдшера, в свободное время подрабатывала.

– Ваш пан поручик очень странно на нас смотрит, Ханна.

– Не обращайтесь внимания. – Щеки женщины слегка зарделись. – Милош пытается оказывать мне знаки внимания, но в наше время это глупо и нелепо. Вы согласны?

– Бесспорно.

– Я не понимаю, как такие мысли могут приходиться в головы? Вы тоже так считаете?

– Да, именно так, – ответил Брагин, сдвинув брови. – Подобные мысли в наше время абсолютно недопустимы. – Он украдкой показал кулак своим офицерам, которые сдавленно посмеивались и шептались.

Майор почти не шутил. Сейчас действительно не время. Да и не было в этой женщине ничего такого, что заставило бы его вспотеть.

Но объяснять это Горану, видимо, было бесполезно. Тот мрачнел, ерзал. Все его потуги проявлять равнодушие говорили ровно об обратном.

– Милошу, кстати, повезло, – сказала Ханна. – Он никогда не был женат, даже до войны. Ему не требовалось переживать за свою семью, разве что за мать, оставшуюся в Судетах. Связи с ней Милош не имел. Только недавно он получил весточку, что мама жива, хотя, по понятным причинам, не благоденствует.

– Это хорошо, – пробормотал Брагин и спросил: – Я так понимаю, местные коммунисты не особо приветствовали устранение Гейдриха в сорок втором году?

– Да, это так. Может, и не все, но большинство. Мы предлагали другие пути. А все потому, что коммунисты умеют просчитывать события и предвидеть последствия. Подполье неоднородно. Многие поддерживали лондонское правительство Эдварда Бенеша. Именно с его подачи британцы спланировали убийство Гейдриха. Отправили двух выскочек, Габчика и Кубиша. Так они даже нормально прикончить Гейдриха не смогли. Тот еще прожил несколько дней. Мы предупреждали англичан о том, что будут репрессии. Но им до этого не было дела. Не их же родные подвергались опасности. Они согласились с тем, что немцы проведут карательные акции, но они лишь усилят сопротивление оккупантам, в итоге подполье только выиграет. На деле это обернулось массовым террором! – Женщина заволновалась, ее глаза заблестели. – Людей расстреливали сотнями, без всякого разбирательства. Так погиб мой отец. Женщин отправляли в концлагеря, детей разлучали с семьями. Эсэсовцы перебили полторы тысячи людей, уничтожали целые деревни! Кубиша и Габчика тоже выследили. Они скрывались в православном пражском храме. Их убили или они сами застрелились. Это неизвестно. Заодно нацисты лишили жизни всех священников в храме, запретили в Чехословакии православную церковь, закрутили гайки и спустили всех своих ищеек на подполье. Эй, подождите! – Ханна взволнованно завертела головой. – Мы уже прибыли. Нужно сдать назад и въехать вон в ту арку.

Дом, нужный им, находился в глубине квартала, явно не являлся памятником архитектуры, но выглядел добротно, с высокими этажами и гулким парадным, по которому извивалась гранитная лестница. Он казался вымершим.

Марецкий остался на улице, остальные поднялись на второй этаж. Руки офицеров машинально потянулись к оружию. Франтишкова тоже сделала серьезное лицо, расстегнула кобуру. В том, как она хмурилась, было что-то забавное.

Брагин кивнул Коломийцу и выразительно глянул на окно. Тот понял командира без слов и остался на площадке между этажами. Остальные поднялись.

Влад отстранил плечом женщину. Ей явно хотелось прибыть на место первой.

– Поручик, придержите свою спутницу. Будет нужно, мы вас позовем.

Дверь была тяжелой, внушала задумчивость. Брагин сделал предупреждающий жест, прижал к ней ухо. В квартире шуршали настенные ходики.

«Интересно, на сколько времени хватает завода? – возник у майора резонный вопрос. – Может на трое или четверо суток, в зависимости от конструкции».

Он постучал и встал за косяк. Остальные тоже ушли от двери.

Все было тихо. Ощущение, что в квартире есть люди, отсутствовало. Трупный запах в замочную скважину не просачивался.

Влад переглянулся с товарищами. Марецкий пожал плечами. Зацепин сделал отсутствующее лицо.

Дверь открывалась внутрь. Это была явная промашка тех людей, которые ее устанавливали. Хватило резкого нажатия плеча, хрустнул замок. Из квартиры пахло затхлостью. Там явно давно никого не было.

Майор кивнул Марецкому. Старший лейтенант метнулся с автоматом наперевес, прижался к стене прихожей. За ним пошли еще двое.

Квартира оказалась небольшой – две комнаты, просторная кухня-столовая, пара кладовок, санузел. Балкон отсутствовал. Офицерам хватило тридцати секунд на то, чтобы прочесать жилище.

Убранство тут было небогатым, присутствовала только самая необходимая мебель. На полу никакой грязи и следов. Впрочем, после вторжения контрразведки все это тут появилось.

– Милош, Ханна, прошу вас. Вы знаете нашего агента, посмотрите, может, здесь есть какие-нибудь его вещи, одежда?

Подпольщики ходили на цыпочках, с каким-то благоговением разглядывали пустые стены. Милош поворошил окурки в стеклянной пепельнице и пожал плечами. Сигареты были искурены почти до конца, названия марок не читались.

Настенные часы с застекленной крышкой издавали слабый шелест. Они отстали на восемь минут. Заводили их не вчера и не сегодня.

– Здесь ничего нет, товарищ майор, – сказала Франтишкова. – Было бы странно, если бы Клест стал разбрасывать по явочным квартирам свои вещи. Он аккуратный человек, следит за чистотой, никогда не позволяет себе чего-то лишнего. – Ханна покосилась на пепельницу и добавила: – Разве что много курит.

– А вы, Горан, что можете сказать о нашем агенте?

– Он очень сдержан. Алкоголь не пьет, лишних слов не произносит, не улыбается. Хотя, если честно, я видел его всего два или три раза. У товарища Винса не самая запоминающаяся внешность.

– Товарищ майор, вы не заняты неотложными делами? – спросил Коломиец, заглянув в комнату. – Не знаю, сочтете ли вы это важным. На площадке еще две квартиры. В той, что справа, никого нет. Мне так показалось. Слева шепчутся люди. Они стоят возле двери, боятся открыть. По моим ощущениям, это пожилая семейная пара. Они могли что-то видеть или слышать. Было бы разумно их опросить, прежде чем уйдем.

Франтишкова первой вышла на площадку, постучала в дверь. Остальные потянулись за ней, не убирая оружие.

Влад оттер Ханну плечом. Разве пани не в курсе, что можно выстрелить через дверь?

В квартире и вправду испуганно шептались люди. Прозвучал тихий старческий голос. Ханна громко отозвалась, произнесла несколько фраз. Брагин различил что-то про Красную армию и вашего соседа. Люди за дверью были не в восторге, но выбора не имели.

Створка открылась, высунулся острый нос. У женщины преклонного возраста испуганно бегали глаза. За ее спиной мерцал старичок, повыше ростом, но такой же щуплый и эфемерный.

– Товарищи, ведите себя так, как будто вы интеллигентные и культурные люди, – сказал Брагин своим офицерам. – Нечего пугать достопочтенных горожан и наносить ущерб нашей репутации.

– Нашей... чего? – не понял Зацепин.

Коломиец утробно хохотнул. Марецкий ехидно улыбнулся.

Благоразумие победило. Контрразведчики не полезли в квартиру, мялись на площадке. Горан тоже не стал проявлять инициативу.

Франтишкова доброжелательно беседовала с пенсионерами, справилась об их здоровье, терпеливо выслушала ответ. Она сообщила им, что Красная армия уже в городе, но ее не надо бояться тем людям, которые не имели ничего общего с нацистским режимом. Вот, мол, стоят советские офицеры. Ничего дикого, варварского, монголо-татарского с привкусом знаменитой орды. Обычные люди, такие же, как мы с вами. Старички подслеповато щурили глаза, соглашались с Ханной, пытались улыбнуться. Франтишкова участливо кивала, внимательно слушала, задавала вопросы. Беседа закончилась мирно. Ханна поблагодарила этих людей, пожелала им здоровья и благополучия, после чего дверь закрылась.

– Рассказывайте, что они видели, – сказал Брагин, вздохнул и добавил: – Рискну предположить, что ничего. Я прав?

– Эти люди уже много дней не выходят из квартиры. Они молились, когда в городе велась стрельба. Это благочестивые прихожане и добропорядочные граждане, пан Иржи Бджер и его супруга Люция. Люди не болтливые, нацистский режим не приветствовали. Единственного сына потеряли еще до войны. Он умудрился попасть под немецкий танк. Подполье их подкармливало, снабжало лекарствами. Примерно два или три дня назад они слышали, как в квартиру кто-то зашел. Там скрипели половицы и оконная рама. Толщина стены позволяет это разобрать. Человек, по-видимому, был один, сидел в квартире час или два, потом ушел. Пани слышала, как он закрыл дверь ключом и спустился по лестнице. Шел тяжело, словно был ранен или болен. В городе было беспокойно, началось восстание, в центре шли бои. С большой долей вероятности сюда приходил товарищ Винс. Хотел отсидеться, но почему-то передумал и ушел. Куда и зачем, по-прежнему неизвестно.

– Есть еще один адрес, – сказал Коломиец.

– Есть, – подтвердил Влад. – На улице Подбежецкой, если не ошибаюсь. Квартира была разгромлена гестапо. Сомневаюсь, что после этого она пользовалась популярностью у членов Сопротивления. Проверить, конечно, надо, а после этого распланировать дальнейшую работу. Прошу не забывать, что в приоритете у нас личность штандартенфюрера Шломберга, а отнюдь не Винса, как бы ни болела душа за нашего товарища.

Улица Подбежецкая была основной артерией восточного района. Дворцов и парков здесь не было, но и разрушения отсутствовали. Впрочем, мусора хватало, валялись вывернутые с корнем деревья, столбы. Посреди дороги застыл остов тяжелой немецкой самоходки. Снаряд попал в бензобак, что и вызвало обильное горение. Пламя уничтожило все, до чего смогло добраться. САУ почернела как обугленная головешка. Улица была широкой, и транспорт легко объезжал подбитое орудие.

По улице прокатился открытый легковой автомобиль. В нем сидели мужчины в штатском, вооруженные карабинами. На рукавах красные повязки. Советское командование времени не теряло, работало с коммунистическим подпольем. Власть на местах, наряду с военной, уже назначалась, в том числе и народная милиция.

У госпиталя Святого Корнелиуса стояла немецкая санитарная машина со спущенными колесами. На крыльце женщины в медицинских халатах вели бурную перепалку. У худой как палка особы в шапочке медсестры весь перед халата был забрызган кровью.

Здание было небольшое, тянулось вдоль улицы, имело два этажа. Крыльцо обрамляли скульптурные ангелы со скорбными мордашками. Фасад венчала еще одна библейская личность, бородастая, в развевающемся одеянии. Очевидно, это и был тот самый святой, имя которого и носило это лечебное учреждение.

Останавливаться здесь намерений у майора не было. До нужного здания оставалось полквартала.

– А госпиталь вроде работает, – сказал Брагин.

– Да, он должен работать, – отозвался Горан. – По нашим сведениям, в него свозили раненых солдат генерала Буняченко. Их было около сотни. Дивизия понесла серьезные потери. Войска уходили в спешке, раненых оставили в госпитале на попечение местного персонала.

– Неужели их тут лечат? – спросил Влад и хмыкнул.

– Конечно, – ответила Ханна. – Они такие же люди, как и все остальные, их нужно лечить. Проблема в том, что в наших больницах катастрофическая ситуация с лекарствами, не хватает медиков.

Они уже проехали госпиталь, когда за спиной раздался гудок автомобильного клаксона. Полуторка с солдатами свернула к крыльцу, втерлась между ангелочками. Медсестры попятнулись, сделали испуганные лица и растворились в здании. Из кабины выбрался приземистый офицер в звании лейтенанта, хрипло прокричал команду. С кузова слетело отделение автоматчиков в пилотках и фуфайках. На крыльце остались двое, остальные побежали в здание. Там простучала автоматная очередь, завизжали женщины.

– Зачем они это делают? – выкрикнула Ханна. – Разве так можно?

Стрельба усилилась, разлетелось стекло.

– Кончают уродов, – пробормотал Филимонов.

Расстрелы власовцев становились привычным делом. Советских воинов можно было понять. Командование этому не препятствовало. Но расстрел беспомощных раненых – это уже чересчур! Спустить такое – самого себя не уважать!

– Зацепин, разворачивай! Подъезжай к госпиталю!

– Сострадательные мы, да, товарищ майор? – Марецкий отвел глаза. – Ну конечно, в нас же это издревле заложено.

– Дурак ты, старлей! Вот на хрена, скажи, путать божий дар с яичницей?

Зацепин послушно выполнил команду, развернул машину и подлетел к крыльцу. Майор на мгновение пересекся взглядом с Ханной. В ее глазах мелькнуло что-то уважительное. Милош отвел глаза, начал вздыхать.

В здании трещали автоматы, голосили женщины. Напряглись автоматчики на входе, на всякий случай встали по стойке «смирно», когда перед ними вырос незнакомый майор. Он достал удостоверение и держал его открытым ровно столько, чтобы они поняли, с кем имеют дело.

– Что происходит?

– Так это самое, товарищ майор... – промямлил прыщавый ефрейтор. – Там сволочи в больнице, власовская банда. У лейтенанта Гомулова есть приказ командира полка – кончить всех предателей без суда и следствия.

– А голова у вашего лейтенанта есть? Отойди, боец, а то я тебя сам отшвырну. Прекратить! – разнесся по коридору свирепый вопль. – Отставить немедленно! Контрразведка СМЕРШ! Старший, ко мне!

Лекарств и персонала здесь действительно не хватало. В коридоре с высоким потолком царил убийственный запах гноящихся ран. Двери в палаты были распахнуты. Мест там не хватало, койки стояли и в коридоре. Некоторых раненых власовцев автоматчики уже расстреляли. Кровь проступала через бинты, и нельзя было понять, свежая ли она.

Дальше по коридору стонали люди. Одного несчастного красноармеец вытряхнул из кровати, прежде чем застрелить. Размотались бинты, мужчина полз по полу, держась за живот.

Перед глазами Влада мелькали бледные лица медсестер и санитарок. Показался хромой пожилой мужчина в медицинском халате. Хоть персонал не постреляли эти кретины!

Окрик подействовал, стрельба оборвалась.

Сотрудники мялись у Брагина за спиной. Собственного мнения о происходящем они не имели или берегли его на крайний случай. Проблема деликатная. Все ли позволено русскому солдату, имеющему право на месть?

Автоматчики застыли. На их лицах читались досада и раздражение. Пристрелить они успели немногих. Раненые в большинстве были не ходячие, прикованные к кроватям. Многие без сознания, другие – в полузабытьи. Они не понимали, что тут происходит.

Брагин заглянул в ближайшую палату. Посреди помещения застыли два бойца, опустили автоматы, обнаружив на пороге целого майора. Стена была забрызгана кровью. У окна стояла медсестра с прижатыми к губам ладонями. Она тряслась от страха.

– Пошли вон! – заявил Брагин и поморщился.

Автоматчики вышли из палаты.

Двух или трех власовцев они, похоже, пристрелили. Остальные шевелились, стонали. Грузно поднялся и сел на кровати мужчина в рваной пижаме с забинтованной головой. Он сжал ладонями виски, стал раскачиваться.

В палату вкатился хромой врач, стал наезжать, изливать поток слов. Он вспотел, через слово покашливал. Ханна, стоявшая сзади, стала переводить, но Брагин отмахнулся. Мол, и так все ясно.

– Марецкий, убери этого мужика, только без грубостей.

Пожилого доктора сменил взволнованный лейтенант Красной армии. Он вошел в палату, небрежно отдал честь и как-то сморщился, обнаружив перед глазами удостоверение.

– Старший лейтенант Гомулов, товарищ майор. Вторая рота отдельного девяносто шестого полка НКВД по охране тыла действующей армии.

– Кто отдал приказ расстреливать раненых?

– Так, товарищ майор, это же предатели... – Гомулов замялся.

Судя по его лицу, он не вполне понимал, с чем связан приказ прекратить экзекуцию.

– Думаете, они наших раненых не стали бы расстреливать? Это же фашистские прихлебатели, туда им и дорога.

– Кто конкретно отдал приказ ликвидировать пациентов госпиталя?

– Не было такого приказа, товарищ майор. – Гомулов побледнел. – Нам сообщили, что по данному адресу находятся изменники советского государства, и мы выдвинулись, чтобы их нейтрализовать. Я не понимаю, товарищ майор!.. В городе проводится операция по выявлению и ликвидации вооруженных групп противника и их прихвостней.

– Ты видел здесь кого-то с оружием? Если это звери, значит, и мы такими же будем? Что-нибудь слышал про социалистическую законность? Мы не с мезьей пришли, не орда с Востока. Так многие считают, и вы это наглядно подтверждаете. Все по закону и приказу, уяснили? Вы персонал до смерти напугали. Он-то в чем виноват?

– Так что нам делать, товарищ майор? Оставить в покое этих сволочей и просто уйти? Знаете, при всем уважении и почтении...

– Да чихал я на твое уважение! Мертвых унести в морг, персоналу продолжать работу! Никаких запугиваний и издевательств! Вы не полицаи, а бойцы Красной армии! Выставить посты на улице и в коридоре, контролировать, что происходит в палатах, но в работу медиков не вмешиваться. Доложить начальству о произошедшем. Можете упомянуть мое имя, мне плевать. Будет приказ ликвидировать пациентов, тогда и действуйте. Никакого самоуправства! Вседозволенность почувствовали. Я ясно выразился?

– Так точно, товарищ майор! – Бледный лейтенант вытянулся по струнке.

– Смотри, Гомулов, проверю. Иди.

– Слушаюсь! – Лейтенант убежал, придерживая кобуру, стучащую по бедру.

– Как это правильно, – пробормотал Андрей Марецкий. – Сперва всех вылечим, а потом расстреляем. Мы же такие великодушные!

– По закону все должно быть, – огрызнулся Брагин. – Либо по приказу командования.
– Я все понимаю, товарищ майор. Не стоит, конечно, расстреливать безоружных раненых.
– А я не согласен, – проворчал Коломиец. – Будем тратить на них время, средства, отвлекать медицину от более важных дел. Это же мрази, они жить не должны.

«Ну да, и не таких кончали, – подумал Влад. – Впрочем, в тех случаях составляли хотя бы расстрельные списки».

– Спасибо вам, гражданин майор, – проговорил мужчина с забинтованной головой.

У него были мутные глаза, щеки и подбородок обросли щетиной.

– Да пошел ты со своим спасибо! – резко выплюнул Брагин и вышел из палаты.

Может, в чем-то Влад наивен, но всегда считал, что все должно происходить по закону. И неважно, плох он или хорош.

В мрачном расположении духа майор забрался в кузов. У всех паршиво было на душе. Люди отворачивались, уходили в задумчивость.

– Вы правильно сделали, товарищ майор, – негромко проговорила Франтишкова. – Даже в тюрьмах преступников, приговоренных к смерти, не отправляют на казнь, если они тяжело больны. Мы понимаем, что в армии Власова служат предатели. Это так и есть. Они изменили Советскому Союзу, своему народу, повернули штыки против коммунистической партии. Мы тоже коммунисты. Но поймите и нас. У нас немного другое отношение к РОА и генералу Буняченко. Не важно, чего он хотел добиться, когда приказывал своим солдатам идти на Прагу. Еще немного, и нацисты потопили бы восстание в крови, погибли бы десятки тысяч людей. Мы с вами, скорее всего, не разговаривали бы. Но пришла неожиданная помощь. Мы были растеряны, не знали, как к этому относиться. Власовцы ничего не требовали взамен. Я вам больше скажу. Когда генерал Буняченко отдавал приказ идти на Прагу, он уже знал, что американские войска сюда не придут, что Паттон со своей армией дальше Пльзеня не двинется, однако пошел нас выручать. Его солдаты дрались без принуждения, охотно шли в бой против своих недавних хозяев.

– Вы предлагаете мне покопаться в душе русского предателя? – осведомился Брагин. – Я не желаю этого делать.

– Я просто хочу сказать, что мир не так однозначен, как многие считают. Это не только черное и белое. В нем хватает оттенков. Люди делают зло, потом в них просыпается что-то хорошее – возможно, это связано с совестью, – и в финале своей жизни они совершают добрые поступки.

«А она точно коммунистка? – раздраженно подумал Брагин. – Даже если и так, то все равно мягкотелая женщина, что с нее взять? Здесь Европа, все иначе».

Увы, майор Брагин жил в мире, где не было оттенков. Здесь – друзья, здесь – враги, которые должны быть уничтожены, но по закону.

Глава 3

Нужное здание, как и первое, располагалось в глубине квартала, на второй линии от Подбежецкой улицы. Во двор вела гулкая подворотня. Стены, как и в Советском Союзе, были расписаны неприличными словами.

За спиной остались широкая дорога, по которой на восток двигалась танковая колонна, плиточный тротуар, афишная тумба, на которой еще висели обрывки нацистских плакатов, призывающих стоять плечом к плечу в священной борьбе против мирового еврейства и коммунизма. Машина осталась на Подбежецкой улице.

Уже там в мозг майора стали поступать подозрительные импульсы. В подворотне они усилились. Интуиция взывала к разуму. Мурашки поползли по коже, а в желудке становилось пусто.

Почему он выжил в этой войне? Да именно потому, что прислушивался к интуиции.

Подворотня была глубокой и темной. В конце тоннеля виднелся свет, зеленели деревья, окружившие искомое здание.

Странное чувство не покидало майора. Он остановил свою группу, приказал рассредоточиться вдоль стен.

Дальше Влад отправился один, но воздержался от выхода во двор. Ему словно бочку надели на голову. Звуки, доносившиеся с улицы, стали глухими. Во дворе было пусто и тихо. Он прижался к стене в пяти метрах от выхода во двор. Нужный дом закрыли деревья. Брагин колебался.

«А если там Шломберг? – подумал он. – Пусть шанс и невелик, но вдруг?»

Майор вернулся к своим и стал лаконично командовать:

– Всем на улицу, добраться до ближайшего переулка, подойти к зданию с тыла, скрытно. Да не валить кучей, рассосаться. А вам, товарищи добровольные помощники, держаться сзади!

До переулка оказалось метров сто. Люди по одному выбрались к торцевой стороне четырехэтажного здания, на которой не было ни одного окна. Все окна и подъезды находились за углом. Офицеры просочились на фасадную сторону, двинулись по отмошке вдоль фундамента.

Из подъезда вышла женщина в скромном платочке, ойкнула, заметив вооруженных людей, и поспешила обратно. Догонять ее Брагин не стал, этот подъезд его не волновал. Явочная квартира находилась дальше. На балконы никто не выходил, но здание не пустовало. Группа перетекла в крайний подъезд, и Брагин зашипел на Ханну, которая с обнаженным пистолетом рвалась в бой.

– Товарищ майор... Владислав, я не совсем понимаю. Что на вас нашло? Вы что-то увидели и не говорите.

Брагин рассердился и заявил:

– Милош, возьмите эту пани за руку и никуда от себя не отпускайте. Я могу ошибаться, точно не скажу, но есть у меня некое предчувствие.

Да, на грани мистики!

Он на цыпочках взлетел на четвертый этаж, увидел широкий коридор и двери в шахматном порядке. Та, которая была ему нужна, располагалась в самом конце, слева.

Он на цыпочках подходил к двери, когда она открылась. В коридор вышел невысокий субъект в драповом пальто. На глаза была надвинута кепка, наружу торчал только острый нос. Правая рука находилась в кармане.

Немая сцена была короткой, как выстрел. Метнулись глаза, незнакомое лицо исказилось в бессильной злобе.

– Ни с места! – Брагин вскинул автомат.

Субъект выстрелил, не вынимая руку из кармана. К счастью, мимо. Брагин дважды нажал на спусковой крючок. Но незнакомец был юрким и подвижным. Он метнулся обратно в квартиру, захлопнул дверь, а пули срезали косяк в том месте, где находилась его голова.

Майор долетел до двери, пнул ее, убедился в том, что она заперта, и метнулся к стене, чтобы не попасть под пулю. Это был рискованный поступок. Из квартиры кто-то открыл беглый огонь, пули прошли дверь, застряли в стене напротив. Вывалился крупный пласт штукатурки, разлетелись крошки. Все вроде остались живы, прижались к стенам. Чехи поперек бабки не лезли, маячили в полумраке.

– Да вы настоящий оракул, товарищ майор! – выдал Коломиец, подбежал к противоположному косяку, вжался в стену. – Вы и вправду их почувствовали?

– Оракул, говоришь? – Влад усмехнулся. – Ладно, как скажешь, пусть будет оракул. На счет «три», Егор!..

Они одновременно высунули стволы, ударили по двери и отпрянули. В ответ захлопали выстрелы. Дверь в отдельных местах начала крошиться. Стреляли трое или четверо, переругивались на немецком языке.

– Будем штурмовать, товарищ майор? – выкрикнул из глубины коридора Зацепин.

Решение не вызревало. Если у немцев есть гранаты, то хватит и одной, чтобы все тут разнести, а потом под шумок смотаться. Стрельба затихла, фашисты сэкономили патроны. Брагин вслушивался. Если они соберутся бросить гранату, то для начала им придется открыть дверь.

– Филимонов, Горан, быстро на улицу! – скомандовал майор. – Смотрите, чтобы не ушли по пожарной лестнице или не выбрались на крышу. Да осторожнее там, второй жизни не будет.

Старший лейтенант и поручик затопали вниз.

Запасного выхода из квартиры не было, не та архитектура. Пожарная лестница могла иметься, но немцы не спешили воспользоваться ею, даже если она тут и была. Они снова открыли огонь из пистолетов.

Коломиец, прильнувший к косяку, был спокоен, как буддийский монах.

Люди, засевшие в квартире, продолжали переругиваться.

«Сотрудники гестапо или СС, – предположил Брагин. – Квартиру от подпольщиков они зачистили, были уверены, что те сюда не вернуться, и решили использовать в качестве убежища для себя, поскольку все прочие ведомственные адреса оказались недоступны. Находится ли здесь Шломберг? Можно, конечно, спросить, но это уже из области черного юмора».

– Командир, у них, похоже, с гранатами туго, – бросил Коломиец.

– А у нас не туго? – заявил Брагин и крикнул на немецком языке: – Эй, сдавайтесь, или мы применяем гранаты!

В квартире что-то повалилось, разбилось стекло. Офицеры ударили подошвами одновременно. Дверь распахнулась, забила в петли. Пагубная привычка все делать самому! Брагин оттолкнул плечом Коломийца и выпустил длинную очередь в задымленное пространство. Лопнули лампочки, что-то посыпалось на кухне, куда добрались пули. Полетела, кувыркаясь, табуретка.

У немцев, окопавшихся в квартире, были только пистолеты с ограниченным запасом патронов. Выстрелы гремели из комнаты и кухни. Мелькала перекошенная щекастая физиономия, явно не Шломберг. Желających сдаться не наблюдалось.

Теперь уже Коломиец отпихнул командира плечом, прорвался вперед, ведя непрерывный огонь, влетел в кладовку с распахнутой дверью. Из кухни вырвался орущий субъект в серой кофте. Патроны кончились, он летел с голыми руками. Влад увернулся, уходя от кулачного удара. От входной двери простучала очередь. Этот тип схватился за живот, упал на колени. Зацепин подбежал к немцу и пнул его в подбородок, но тот уже вряд ли что-то почувствовал.

Кухня была очищена.

Брагин пригнулся и сделал это крайне вовремя. Разлетелась вдребезги дверь из непрозрачного стекла. За ней, скорее всего, находилась гостиная. Он метнулся в проем, пригибая голову. Следом туда же вбежал Марецкий и ушел куда-то вправо, нанося необратимый ущерб мебели. Запрыгал, звеня стеклом, журнальный столик.

Пухлый диван стоял посреди комнаты. Из-за его спинки вырос длинноносый субъект, тот самый, который проявил изрядную прыть при знакомстве. На этот раз сноровка ему отказала.

Брагин выстрелил в упор. Немец вздрогнул, выронил пистолет, кровь хлынула изо рта. Вторая очередь отбросила его к стене.

Справа грохнул выстрел. Кто-то пальнул из-за шкафа в Марецкого. Старший лейтенант проворно присел, схватил врага за руку, с торжествующим воплем вывернул ее, выволок немца на середину комнаты и стал отвешивать ему затрешины. Это тоже был не Шломберг.

Взметнулась штора на окне. Из-за нее выскользнул еще один фрукт, прыжком достиг проема в смежную комнату, влетел в нее. Стрелять ему было уже нечем. Субъект был рослый, поджарый.

Черты его лица Влад не ухватил и тоже воздержался от стрельбы. Он обогнул диван, запнулся о распростертое тело, вписался в тот же проем.

Мужчина взлетел на подоконник, ногой выбил раму. Дерево и стекло посыпались наружу. Он схватился за трубу отопления, чтобы не сверзиться наружу, высунул голову. Вот же досада, пожарная лестница находилась далеко, не дотянуться! Этот человек был безоружен.

Брагин не стал стрелять, но автомат поднял. Мужчина удержал равновесие, оторвался от трубы, растерянно обернулся. Ноги его подкашивались. Это тоже был не Шломберг! Поджарый сорокалетний субъект с запавшими глазами и выпуклыми скулами смотрел в ствол автомата, и его охватила дрожь.

– Спускайтесь, – сказал по-немецки Брагин. – Все кончено.

Его противник вытянул шею, глянул вниз. Высота была приличная. Немец на глазах превращался в белое полотно. Он снова уставился на смертоносное отверстие, посмотрел выше, в глаза советского офицера, не оставляющие ему ни единого шанса, слотнул, качнулся, потом зачем-то развел руки – словно птица расправила крылья – и, не сгибая ноги в коленях, упал вниз.

Брагину это было безразлично. Он подошел к окну, перегнулся. За спиной у него уже дышал Коломиец, встал рядом, выглянул. Мертвец лежал недалеко от крыльца и смотрел в небо. Под головой у него расползлась лужа.

К мертвецу осторожно подошел старший лейтенант Филимонов, зачем-то пихнул его носком сапога, после чего тоже уставился ввысь. Милош Горан переминался с ноги на ногу, смотрел по сторонам. Задний двор многоэтажки был тих и необитаем.

– Самоубился этот гад, – прокомментировал ситуацию Коломиец.

– Развлекаетесь, товарищ майор? – спросил Филимонов. – Посмотрите, до чего человека довели. А как вы узнали, что в квартире кто-то есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.